

Юньци долгое время с любопытством разглядывал Чжу Ди. Как-никак, он впервые своими глазами видел живого безумца, и это было весьма достойно изучения. Какой же на самом деле склад ума сумасшедшего?

Другими словами, если Чжу Ди хотел прикинуться умалишённым, ему естественно нужно было понимать психологию безумца, иначе ведь очень легко было бы выдать себя.

— Зять! — Юньци присел в саду на корточки, схватил Чжу Ди за плечи и принялся его трясти.

Сегодня Чжу Ди наконец-то облачился в княжеские одежды.

Янь-ван жужжал с тростинкой в руке, изгибаясь всем телом, почесывая бедро и пристально глядя на Юньци.

Юньци сказал:

— Сейчас вокруг никого нет, давай поговорим. Зять, хватит притворяться, отдохни немного.

Чжу Ди надул пузырь из слюны, вытянул губы и попытался поцеловать Юньци. Тот залился краской и был вынужден подняться и уйти.

Сюй Вэнь в сопровождении буддийского монаха и чиновника шла через сад. Увидев Юньци, она с возмущением воскликнула:

— Младший брат, иди сюда! Не стой рядом с этим сумасшедшим! Как бы и ты не заразился его безумием.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать, но всё же последовал за Сюй Вэнь.

— Это великий учитель* Яо Гуансяо, хороший друг твоего зятя, — с улыбкой представила его Сюй Вэнь, обращаясь к Юньци.

* Даши (□□) — наставник, учитель, великий учитель (вежливое обращение к буддийскому монаху).

Служанки расставили жаровни, а Сюй Вэнь, засучив рукава, принялась накладывать чайные листья. Яо Гуансяо сложил руки в приветственном жесте и с мягкой улыбкой произнёс:

— Так вот тот самый выдающийся командир Цзиньивэй, сам Сюй Юньци! Наконец-то довелось увидеть вас воочию!

Юньци поспешил вежливо отказаться от такой чести, а Сюй Вэнь со смехом сказала:

— Что вы, он всего лишь мальчик на побегушках, какой там командир? Великий учитель Яо, можете обращаться к нему как к младшему, не стесняйтесь.

Чиновник средних лет, оказавшийся командующим войсками Пекина Се Гуем, был давно знаком с Яо Гуансяо. Зная, что Юньци пользуется особым расположением императора, он поспешил представиться и всячески старался подлизаться.

Все четверо расположились вокруг низкого столика, инкрустированного золотом. Сюй Вэнь лично заварила и разлила чай, а слуги подали отборные пирожные. Беседа за столом вращалась вокруг безумия Чжу Ди. Юньци опасался проговориться и к тому же плохо разбирался в политической ситуации Пекина, поэтому участвовал в обсуждении, обмениваясь лишь общими фразами.

У Се Гуя была нежная светлая кожа, круглое лицо и большие уши, что выдавало в нём человека, долгое время жившего в довольстве и роскоши. Он говорил тихим, спокойным голосом, но сейчас в его тоне звучала тревога:

— В последний раз, когда я был в резиденции перед Праздником середины осени, князь был совершенно здоров. Как же так вышло, что после возвращения из Пекина он оказался в таком состоянии? Вчера вечером Чжан-лао лично навещал его. Теперь единственное, что остаётся — это попросить Чжан-лао собственноручно написать письмо, чтобы доложить об этом императору, и ждать, что скажет двор...

Яо Гуансяо произнёс:

— Ванфэй, прошу, не предавайтесь чрезмерной печали, чтобы не навредить здоровью. На мой взгляд, вероятно, князь простудился во время поездки в Пекин или подхватил болезнь, которая временно помутила его рассудок. Это можно вылечить...

В момент разговора Юньци краем глаза заметил, как в комнату вошёл Чжу Ди.

Мужчина с тростинкой во рту бесцельно расхаживал по комнате, издавая жужжание. Сюй Вэнь сделала вид, что не замечает его, и с грустью вздохнула:

— Если его не удастся вылечить, мне придётся вернуться в столицу и жить там, полагаясь только на Юньци.

Все четверо за столом старались не оборачиваться в сторону Чжу Ди, но тот сам приблизился к ним.

Юньци бросил на него взгляд и увидел, как Чжу Ди, зажав тростинку в зубах, ткнул ею в

нежную щёку Сюй Вэнь и принялся с пискom втягивать воздух.

Сюй Вэнь облизнула губы и сказала:

— Младший брат, займись своим зятем...

Чжу Ди с тихим «чмок» отпустил её, оставив на щеке Сюй Вэнь ярко-красный след от засоса.

Выражения лиц гостей за столом приняли крайне странный вид. Юньци растерянно спросил:

— Зять, что ты делаешь?

Сюй Вэнь ответила:

— Изображает комара... Выведи его отсюда.

«...»

Юньци, только и мечтавший поскорее улизнуть, поспешно схватил Чжу Ди и поволок его прочь из сада.

Присев под навесом крытой галереи, Юньци наблюдал за ним.

Вскоре Сюй Вэнь, закончив чаепитие, вывела Яо Гуансяо и Се Гуя из дома. Юньци поспешил подняться, чтобы тоже проводить гостей. Когда он вернулся после того, как они ушли, то снова увидел в саду Чжу Ди, стоявшего среди нескольких журавлей на одной ноге, с высоко поднятой рукой, упирившейся ему в лоб.

— На этот раз он изображает журавля? — любопытствовал Юньци.

Сюй Вэнь бросила взгляд в его сторону и бросила:

— Пойдём обедать, не обращай на него внимания.

После обеда Юньци снова проходил через сад по пути в свою комнату, чтобы вздремнуть, и увидел, как Чжу Ди обнимает дерево и стрекочет, словно цикада.

Некоторое время понаблюдав за ним, Юньци с сочувствием произнёс:

— Зять, отдохни немного. Вокруг ведь нет гостей, так для кого ты всё это изображаешь?

Чжу Ди перестал стрекотать и застучал ногой по стволу дерева.

«...»

Когда он пробыл в этом положении целый день, Юньци невольно проникся к нему уважением. Похоже, Чжу Ди был настоящим мастером боевых искусств.

Вздremнув после обеда, Юньци поспешил в сад, чтобы посмотреть на новое обличие Чжу Ди. От увиденного его словно громом поразило.

— Старшая сестра! — в отчаянии закричал Юньци. — Так больше нельзя! Зять ест... он и вправду сошёл с ума!

Чжу Ди сидел на корточках в саду и с удовольствием уплетал какие-то мягкие жёлтые палочки неизвестного происхождения, поднятые с земли.

Сюй Вэнь поспешно выбежала из комнаты, а следом за ней появился и Чжан Бин, пришедший после полудня, чтобы выразить сочувствие. Увидев эту сцену, Сюй Вэнь вскрикнула, а Чжан Бин тут же отвернулся, чтобы подавить рвотный позыв.

— Почему за князем никто не следит?! — закричала Сюй Вэнь. — Кто-нибудь, сюда!

Чжан Бин, которого рвало так, что померк свет перед глазами, даже не попрощавшись, бросился прочь, словно увидел призрака.

У Юньци волосы встали дыбом, и он завопил:

— Ааааааа! Не нужно же до такой же степени усердствовать! Изображай журавля, комара, цикаду — что угодно, аааа! Зачем ты это делаешь, о боги, аааа!

Сюй Вэнь жалобно воскликнула:

— Ладно, ладно, все уже ушли. Говори потише.

Юньци всё ещё пребывал в состоянии сильнейшего шока, глядя, как Чжу Ди уплетает эту... жёлтую массу, отчего у него самого в животе начало подступать тошнота.

Сюй Вэнь пояснила:

— Это мёд, смешанный с мукой. Пошли, поиграем в волан, не обращай на него внимания.

Сознание Юньци совершенно опустело, и он позволил Сюй Вэнь увести себя, почти не сопротивляясь.

Чжу Ди жадно уплетал мёд с мукой, утоляя голод. Видимо, он пропустил обед и изрядно проголодался.

У садовой арки Тоба Фэн высунул голову, огляделся, затем приблизился и с сомнением принялся. Присев на корточки, он некоторое время глядел на Чжу Ди.

Тоба Фэн взял немного массы, попробовал на вкус и, чавкая, произнёс:

— Вкусно.

Тоба Фэн протянул левую руку, зажав пальцами ухо Чжу Ди, а правой рукой ущипнул собственное, одновременно сравнивая, чьё мягче.

Чжу Ди наконец вышел из роли и рассердился:

— Сам ты боишься своей жены!

С этими словами он размазал медовую пасту по всему лицу Тоба Фэна, затем гневно взметнул полы одежд, запрыгнул на декоративную горку и, согласно расписанию, начал изображать лягушку.

После ужина Чжу Ди прыгал по саду, и Юньци, уже привыкший к его выходкам, даже не стал спрашивать, кого он на этот раз изображает.

Сюй Вэнь лениво лежала на кушетке, перелистывая книгу и непринуждённо беседуя с младшим братом, а под конец зевнула.

— Я привык к службе, а теперь, когда появилось свободное время, совсем не хочется спать, — сказал Юньци. — А где Чжу Фэн?

— Твой зять отправил его за город. Не знаю, зачем, — ответила Сюй Вэнь. — Вернётся через несколько дней, и там будет ясно.

Юньци пришлось смириться с этим. Тогда Сюй Вэнь добавила:

— Я распорядилась выделить тебе слугу для помощи в комнате. Он будет подавать тебе чай и

приносить воду, просто зови его. — Затем она крикнула: — Саньбао*!

* Саньбао (三寶) — имя отсылает к «трём драгоценностям» буддизма. Этот юноша был захвачен армией Мин в Юньнани в 1381 году, и его прежнее имя было Ма Хэ. В какой-то момент он был кастрирован и направлен на службу к Янь-вану. В итоге он завоевал доверие Чжу Ди. Ма Хэ провёл ранние годы жизни как солдат на северной границе и получил надлежащее образование в Пекине. Он вырастет и станет легендарным адмиралом, исследователем и дипломатом, известным как Чжэн Хэ.

Появился тот самый паренёк, что подметал утром листья во дворе и разбудил Юньци. Саньбао был одет в аккуратное серое одеяние и стоял, покорно опустив взгляд за пределами зала. По возрасту и телосложению он был похож на Чжу Юньвэня, а нравом обладал весьма почтительным и покладистым.

Юньци кивнул, и Сюй Вэнь продолжила:

— Ночью он будет спать во внешней комнате твоих покоев, чтобы тебе было удобно им пользоваться. После Нового года можешь забрать его с собой в столицу.

Юньци и подумать не смел о том, чтобы брать слугу во дворец. Не зная, смеяться ему или плакать, он ответил:

— Во дворце, кроме гунгунов, только императорские телохранители. Если я возьму с собой мальчика, Великий воспитатель точно заколет меня до смерти. Там и так собирается кучка мужчин, сидящих без дела, а если появится ещё один малец, кто знает, как они станут его обижать.

Сюй Вэнь рассеянно ответила:

— Саньбао родом из Юньнани, и ему в любом случае предстояло попасть во дворец. Когда во дворце набирали евнухов, твой зять отправил около двадцати человек, но у его семьи случились проблемы, и он опоздал. Не успел к сроку и зря перенёс...

Юньци хмыкнул, понимая, что Сюй Вэнь хотела сказать «зря перенёс кастрацию». Боясь, что дальнейшие разговоры на эту тему ранят самолюбие мальчика, он поспешил добавить:

— Я пойду спать. Мы во двор.

Сюй Вэнь с упрёком отметила:

— Сначала ты думал о Чжу Фэне, а теперь, увидев Саньбао, прыгаешь вокруг него, как обезьянка. Пора бы тебе уже подыскать невесту. Видимо, вся твоя сила не находит выхода, и ты надеешься, что старшая сестра приставит к тебе слугу, чтобы ты мог выпустить пар?

Юньци, скрежеща зубами и размахивая кулаком, воскликнул:

— Это не так!

Сюй Вэнь прыснула со смеху, и только тогда Юньци, испытывая жуткое смущение, последовал за Саньбао.

Юньци остановился во дворе и спросил:

— Что тебе приказала делать Ванфэй?

Саньбао учтиво и кротко ответил:

— Ванфэй велела мне следовать воле младшего шурина и выполнять всё, что он прикажет.

Юньци подумал, затем достал немного серебряных монет и протянул ему:

— Как пройти к роще Ланьлюй? Можешь объяснить?

Саньбао поклонился и сказал:

— Благодарю младшего шурина. — Его тон был почтительным, без высокомерия и заискивания. Затем он улыбнулся и со смехом добавил: — Это место сложно описать словами. Младший шурин, я нарисую вам карту.

С этими словами они вошли в комнату. Саньбао взял бумагу и несколькими быстрыми штрихами набросал план городской местности, пометив названия. Юньци заметил:

— О, у тебя красивый почерк, прямо как у девушки. Ты учился?

Саньбао скромно ответил:

— В детстве отец немного учил меня. А когда я попал в княжескую резиденцию, то урывками занимался с Ванфэй. — Затем он с улыбкой спросил: — Младший шурин, хотите вечером прогуляться?

Юньци промычал в ответ и сказал:

— Тебе нельзя со мной идти, и не говори моей старшей сестре. Я договорился кое с кем встретиться, просто хочу развеяться.

Саньбао придвинул стул и сел у двери, наблюдая, как Юньци уходит.

Роща Ланьлюй... Юньци шёл, сверяясь с картой. В Пекине только что прошёл час ю*, и по всему городу зажигались огни, создавая поистине оживлённую атмосферу. По обочинам дорог работали старые пекинские чайные, где рассказчики повествовали истории, а музыканты играли на инструментах. Под мостом Тяньцзяо сверкающие всеми красками фонарики освещали торговцев, продающих засахаренные фрукты и фигурки из теста. Юньци долго шёл по карте и в итоге оказался в самом роскошном районе Пекина.

* 5—7 вечера.

И где же здесь роща? Юньци в полном недоумении озирался по сторонам.

— Дядя, эй, позвольте спросить... где находится роща Ланьлюй?

Проходивший мимо старик смущённо вытянул губы и указал подбородком вдаль. Юньци увидел среди ярких огней и праздной суеты здание с громадной вывеской, на которой красовались два больших слова: «Роща Ланьлюй*».

«...»

* Можно перевести как «Роща Цветущей Зелени».

Юньци тупо уставился на неё, ещё не успев среагировать, но вдруг его зрачки сузились, и он мгновенно выхватил из рукава свой клинок Чаньи!

Сзади к нему бесшумно приблизился человек, и в тот миг, когда его дыхание коснулось шеи Юньци, тот с облегчением выдохнул и произнёс:

— Лао Ба.

Одна рука легла ему на глаза, закрывая обзор, а другая обхватила за талию. Тоба Фэн обнял Юньци сзади, склонился и страстно поцеловал его в шею.

— Ши-гэ... — проговорил Юньци, сдерживая горечь в голосе. — Я знал, что это ты.

Пальцы, прикрывавшие его глаза, были длинными и тёплыми. Даже спустя столько лет Юньци мог безошибочно их узнать.

Однако Тоба Фэн молчал. Его указательный палец ловким движением вытащил из-за спины чёрную ленту и завязал её вокруг глаз Юньци.

— Что ты задумал? — Юньци многое хотел Тоба Фэну сказать, но не ожидал такого поворота. Затем Тоба Фэн отпустил его, поправил воротник его одежды, обнял за талию и, шагнув, повёл его вперёд.

С чёрной повязкой на глазах Юньци не мог различать направление, но по звукам понимал, что Тоба Фэн ведёт его в более людное место.

— Ши-гэ? — с подозрением спросил Юньци. — Ты не можешь говорить? Это из-за того лекарства?

— Могу, — твёрдо ответил Тоба Фэн. Юньци успокоился, решив посмотреть, что же такое тайное он задумал.

В цветочном зале звуки музыки стихли, и попугай, висевший на балке, прокричал:

— Почтенный гость прибыл! Почтенный гость прибыл!

Тоба Фэн остановился. Юньци обеспокоенно повернул голову и прислонился к плечу Тоба Фэна.

— Господин...

— М-м, — промычал Тоба Фэн. Одной рукой он оттолкнул подошедшего встретить их проститута так, что тот шлёпнулся на пол. Затем он равнодушно спросил: — Где банкет, устроенный военным советником?

Обнявшая Юньци за талию рука слегка сжалась. Юньци молча последовал за Тоба Фэном наверх. На втором этаже раздавались переливы музыки, проститут звонким голосом пел:

— ...Еще сегодня рад весне,

а завтра оголится сад.

Так пей,

пока светильники не догорят*!

* Стихотворение поэта династии Юань Ма Чжюаня «Осенние чувства» (四季) на мелодию «Ночью плыву на лодке». Перевод Торопцева М. А.

Последние ноты замерли в воздухе, постепенно стихая.

Чей-то громкий голос радостно воскликнул:

— О, Чжу-сюнди прибыл! А ну, иди сюда!

На втором этаже в цветочном зале были расставлены несколько низких столиков, за каждым из которых сидели мужчины. Увидев Тоба Фэна, они громко поприветствовали его.

Тоба Фэн, обняв Юньци, усадил его на место и спокойно произнёс:

— Опоздал, выпью три штрафные чарки.

Чей-то звучный голос со смехом произнёс:

— Чжу-сюнди, это нечестно! Пришёл ночевать среди ив*, да ещё и привёл своего маленького слугу? Ты заслуживаешь наказания!

* Спать среди цветов и ночевать в ивах (□□□□) — обр. в знач.: провести ночь в борделе.

Юньци сел, но Тоба Фэн по-прежнему не отпускал его, обнимая одной рукой. Юньци неестественно прислонился к левой стороне Тоба Фэна, пока тот говорил:

— Я здесь впервые. Вот и вывел Юнь-эра развлечься, чтобы расширить ему кругозор.

Что это за место? Та самая роща Ланьлюй? Заведение для утех с мужчинами-проститутками? Ум Юньци лихорадочно работал, роясь в бесчисленных вопросах: зачем Тоба Фэн привёл его сюда? Чтобы собрать информацию? Кто эти люди напротив?

Если его догадки верны...

И действительно, один из присутствующих за столом произнёс:

— Военный советник Ван, вы в последнее время были весьма заняты — встречали императорского посла, оформляли документы. Как же у вас нашлось время устроить пирушку*?

* Досл. «вино из цветов» (□□) — вечеринка с вином и проститутками.

Тот звучный голос ответил:

— Взаимовыгодный обмен, взаимовыгодный обмен!

Проститут, исполнявший песню, вышел, по пути притворив дверь цветочного зала. Все собравшиеся один за другим принялись чествовать вином, шумно общаясь друг с другом. Юньци различил, что в зале восемь человек.

Военный советник Ван сразу перешёл к делу:

— Чжан-лао прибыл из столицы, проделав такой долгий путь. Прежний комиссар по гражданским и финансовым делам ушёл на покой и вернулся на родину, новый император взошёл на престол, а Янь-ван по возвращении тотчас впал в безумие. Боюсь, на этот раз Чжан-лао явился по приказу Его Величества. Что вы скажете, как нам быть?

Говоря это, он с подозрением взглянул на Юньци, и на его лице мелькнуло лёгкое недовольство. Очевидно, он был не рад, что Тоба Фэн привёл с собой постороннего.

Тоба Фэн поднёс винную чашу к губам Юньци, дал ему сделать глоток, а затем оставшееся допил сам. Он равнодушно спросил:

— Что сказал Чжан-лао?

Один из присутствующих за столом отложил чарку и произнёс:

— В тот день, вернувшись из княжеской резиденции, Чжан-лао немедленно вызвал господина Се Гуя и в течении нескольких шичэней тайно беседовал с ним. Затем он отправился в кабинет, взял кисть и написал письмо, которое необходимо доставить императору в столицу.

Юньци слегка пошевелился, прильнув к груди Тоба Фэна, словно испытывая некоторое беспокойство. Тоба Фэн поднял левую руку и успокаивающе погладил его по голове.

Собравшиеся с интересом наблюдали за Юньци, после чего военный советник Ван спросил того человека:

— О чём они говорили? Удалось услышать? А письмо видели?

Другой человек ответил:

— Этот ничтожный прислуживал рядом, поднося кисти и тушь, и видел, как Чжан-лао рвал письмо, переписывал и затем снова рвал... К сожалению, этот ничтожный неграмотен...

Услышав слово «неграмотен», Юньци наконец всё понял: «Все присутствующие за столом, от военного советника до простых солдат, были подчинёнными Чжу Ди, которых внедрили в резиденцию комиссара по гражданским и финансовым делам».

Чжу Ди притворялся сумасшедшим и не мог выходить из дома, поэтому связным от княжеской резиденции выступал Тоба Фэн. Судя по тому, как легко он ориентировался, казалось, он был давно знаком с этими людьми.

Лицо Юньци было серьёзным, но на щеках выступил лёгкий румянец от вина. Тоба Фэн склонился, глядя на него, и потянулся пальцами, чтобы ущипнуть его за щёку. Непроизвольно улыбнувшись, он спросил:

— Когда будет отправлено письмо?

Кто-то ответил:

— После запечатывания письмо передали мне и приказали той же ночью отправить его в столицу...

Юньци внутренне встревожился, предположив, что этот человек занимал важный пост в резиденции комиссара по гражданским и финансовым делам.

Действительно, военный советник Ван обратился к тому человеку:

— Господин Ли, удалось ли вам увидеть, что было написано в письме?

Мужчина по фамилии Ли усмехнулся, сделал глоток вина и неспешно произнёс:

— Основной смысл письма был таков: князь действительно сошёл с ума, прошу Ваше Величество принять решение.

Тоба Фэн на мгновение задумался, затем спросил:

— Гонец уже выехал за городские ворота?

Господин Ли невозмутимо ответил:

— Конечно же, нет. Что предложите, Чжу-сюнди?

Тоба Фэн сказал:

— Прикажете ему ночью выехать за город. Отправьте разменную фигуру.

Господин Ли не ответил, вероятно, кивнул в знак согласия.

Военный советник Ван снова заговорил:

— Что думает резиденция? Бесконечно тянуть время — не долгосрочное решение. В любом деле нужно сначала разработать план, а затем действовать...

Господин Ли кашлянул.

Несколько человек опомнились, вспомнив, что у Тоба Фэна на руках сидел кто-то, не имевший никакого отношения к их организации. Понимая, что раскрыто достаточно информации, Тоба Фэн равнодушно произнёс:

— На этом официальная часть закончена, господа, прошу, развлекайтесь.

Один из присутствующих произнёс:

— Пойдите, Чжу-сюнди. Этот младший брат, которого вы привели, действительно тот, с кем вы делите постель?

Тоба Фэн уже собирался обнять Юньци и покинуть собрание, но, услышав эти слова, усмехнулся:

— Тот, с кем я делю постель?

С этими словами он прищурился, и в его взгляде мелькнуло пронзительное выражение.

Тот человек холодно сказал:

— Совсем не похоже. Вы уже уходите? Не хотите задержаться ещё ненадолго?

Тоба Фэн спокойно ответил:

— Не похоже? Тогда позовите сюда проститутов.

В этот момент дверь цветочного зала открылась, и несколько юношей вошли в зал, пристраиваясь рядом с мужчинами. Однако господа Ли и Ван неотрывно разглядывали человека в объятиях Тоба Фэна, чувствуя, что Юньци сильно отличался от нежных и податливых проститутов как своим духом, так и внешностью.

Тоба Фэн уже собирался уйти, но, видя сомнения собравшихся, сказал:

— Юнь-эр с детства слеп на оба глаза, его родители умерли... — Затем он указал на цинь, лежащий за столом, и приказал: — Подайте его сюда.

Проститут поднёс цинь к столу. Тоба Фэн протянул руку и коснулся инструмента.

В тот момент Юньци и Тоба Фэн мысленно достигли взаимопонимания, и оба одновременно протянули руки к струнам циня. Один прижимал их, другой перебирал, и раздался чистый звук.

Музыка наполнилась звоном металлических копий и топотом железных коней, пронизанная суровой аурой сражения!

Юньци протяжно запел:

— Супруга Юй покончила с собой на берегу Уцзян.

В огне войны пылал когда-то Красный утес.

Генерал умер от старости, тщетно охраняя перевал Юймэнь.

Мысли о годах войны и о тех, кто жил в эпохи крови и страданий, печалят меня; все, что может сделать ученый, — это тоскливо вздохнуть*.

* Стихотворение поэта династии Юань Чжан Кэцзю «○○○·○○».

Генерал Сян Юй совершил самоубийство на берегу реки Уцзян. В ходе войны были уничтожены тысячи кораблей у Красного утёса. Генерал Бань Чао напрасно погиб у перевала Юймэнь.

Звук циня оборвался, словно треснувший нефрит и шёлк, и на мгновение все проституты замерли в изумлении.

— Bravo!

Военный советник Ван воскликнул:

— С таким спутником все обычные красавцы кажутся безвкусными, как воск. Неудивительно, что Чжу-сюнди не хочет с ним расставаться.

Присутствующие за столом наперебой восхищались, а господин Ли в шутку предложил:

— Мы должным образом не разглядели лицо. Младший брат, повернись, дай посмотреть?

Тоба Фэн мягко повернул лицо Юньци к свету, чтобы все могли разглядеть его как следует.

Несколько человек ахнули в один голос. Лицо Юньци было бледным, глаза скрыты чёрной повязкой, а изящные черты под светом ламп отливали лёгким румянцем. Это был поистине прекрасный юноша.

— Жаль только, что у него больные глаза... — с досадой произнёс военный советник Ван.

Тоба Фэн спокойно ответил:

— Даже если бы его облик был изувечен, а тело искалечено, я* бы всё равно горячо любил и лелеял его. Что такого особенного в паре глаз?

* Тоба Фэн обращается к себе «□» [уэ] — господин, хозяин; владыка.

Подозрения господина Ли всё ещё не были развеяны, и он внезапно сказал:

— Только взгляните на эти губы и этот нос. Почему они так похожи на черты Ванфэй Сюй?

Тоба Фэн смолк. Гости принялись обсуждать каждую деталь, а господин Ли, нахмутив брови, добавил:

— Слышал, что двором был послан ещё один посол, ручной пёс внука императора, младший брат Ванфэй...

Тоба Фэн насмешливо парировал:

— Если бы он и вправду был из Цзиньвэй, разве стал бы он так безропотно подчиняться мне и притворяться маленьким слугой, чтобы попасть в зелёный дом*?

* «Зелёный дом» (□□) — публичный дом, дорогой бордель.

Господин Ли уже собирался что-то сказать, но Тоба Фэн протянул пальцы к воротнику Юньци, ловко развязал вышитый пояс и отбросил его. Юньци отвернулся, уткнувшись лицом в грудь Тоба Фэна, и слабо задышал.

Тоба Фэн обхватил Юньци за талию одной рукой, а другой потянул вниз воротник, снимая верхнюю одежду вместе с нижним бельём.

— М-м... — Юньци издал тихий стон, после чего Тоба Фэн уложил его на мягкую подстилку.

В этот миг все подозрения мгновенно рассеялись. Кто посмел бы прижать к земле и обесчестить шурина князя? Он точно не из Цзиньвэй.

Как только Тоба Фэн и Юньци подали пример, группа проститутов тоже вышла из-под контроля. Все они, мягкие, словно без костей, устремились в объятия господ. В мгновение ока цветочный зал наполнился весенними красками, алыми и зелёными. После пары чарок вина все разбились на пары, сливались в поцелуях.

Тоба Фэн прижал Юньци и поцеловал его. От этого дикого поцелуя Юньци едва не потерял дыхание. Он думал, что всё это лишь притворство, но Тоба Фэн разыгрывал спектакль с полной самоотдачей. Его поцелуй заставил всё тело Юньци воспламениться. Затем он рукой стянул свою форму стражника, обнажив мускулистые плечи, спину и грудь, подобно прекрасному леопарду, и снова склонился для поцелуя.

Юньци протянул руку, чтобы оттолкнуть его, но коснулся обнажённой груди Тоба Фэна и мгновенно покраснел, отдернув ладонь. Его пальцы тут же были схвачены Тоба Фэном и прижаты к земле. Он спускался поцелуями вдоль шеи Юньци, и тот, стиснув зубы, прошептал:

— Помедленнее...

Тоба Фэн поднял голову, поцеловал Юньци в ухо и тихо произнёс:

— В вине было возбуждающее средство.

Одежда остальных на пиру уже была в полном беспорядке, а сами они тяжело дышали, но пара Юньци и Тоба Фэна оказалась ещё раскованнее. Проституты, игриво хихикая, с любопытством разглядывали Тоба Фэна.

Его мускулистое плечо теперь покоилось на винном столе, и проституты не могли отвести от него глаз. Внезапно Юньци высвободил руку и упёрся в деревянный столик, но Тоба Фэн снова схватил её и прижал.

Юньци тяжело дышал, его развратные стоны заставили всех присутствующих покраснеть до корней волос. Тоба Фэн уже расстегнул одежду и, просунув руку под Юньци, вошёл в него.

— Ах... — смущённо вскрикнул Юньци.

Он прошептал:

— Ты хочешь... ты не можешь сделать это здесь...

Тоба Фэн протянул руку под циновку и достал некий предмет. Юньци почувствовал, как ледяное прикосновение распространилось от основания его ног к промежности, и от страха напряг руки.

Тоба Фэн молча целовал губы Юньци, вводя холодный предмет в его задний проход.

Это был искусно вырезанный нефритовый стержень. Подобную вещь Юньци видел когда-то у Чунь Лань. Когда клиенты вызывали проститутку, такой нефритовый стержень клали под винный стол. Неожиданно Тоба Фэн нащупал его.

Сейчас сопротивляться было невозможно, но и не сопротивляться тоже было нельзя. Юньци чувствовал, как более десятка глаз уставились на него и Тоба Фэна, и от стыда его лицо залилось краской. Он обхватил Тоба Фэна за загривок.

Однако тот всё ещё не был удовлетворён. Он отодвинул винный стол, приподнял парчовую одежду под Юньци и накрыл ею половину своего тела.

Теперь все взгляды привлекло это зрелище. У каждого кровь закипела в жилах, и они, забыв о ласках с проститутками на руках, повернулись, чтобы насладиться живой эротической сценой.

Юньци был раздет донага и прикрыт лишь половиной халата, в то время как Тоба Фэн одной рукой вводил нефритовый стержень глубоко внутрь, а другой обнимал его за талию, беззастенчиво теребя его шею и уши.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326079>